

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЕГОР ЧЕКРЫГИН

СТРАННЫЙ ПРИЯТЕЛЬ

РОМАН

Москва, 2014
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ч-37

Серия основана в 1992 году
Выпуск 902

Художник
М. Поповский

Чекрыгин Е. Д.
Ч-37 Странный приятель: Фантастический роман.— М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 312 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1748-3

Мир шпаги и мушкета. Ренки Дарээка, потомок славного, но давно обедневшего рода, мог лишь мечтать об офицерском чине и надеяться когда-нибудь примерить на себя мундир. Говорят, если очень сильно чего-то захотеть, то оно непременно сбудется. Только пути исполнения желаний судьба подчас выбирает очень и очень замысловатые.

Хотел вкусить армейской жизни? Да легко! Только начинать тебе придется даже не с простого солдата, а с бесправного каторжника. А там уж сам думай, как жить дальше... и странный приятель, обладающий совершенно необычными для твоего мира знаниями, тебе в помощь!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1748-3

© Чекрыгин Е. Д., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

«...и нет более достойного поприща для дворянина, нежели стать офицером Королевской армии. Ибо королевский офицер есть не токмо образчик бесстрашия, доблести и самопожертвования, но и эталон изысканного воспитания, благонравия и учености.

Он тот, кто не токмо ведет своих солдат в бой за отечество, но и являет собой достойный пример благопристойности всем иным подданным короля, возвышаясь над ними в силу своего служения высокой цели».

В наступивших сумерках выцветшие от времени буквы сливались с пожелтевшей бумагой, отчего дальнейшее чтение становилось затруднительным.

Можно было бы зажечь свечу. Но, во-первых, даже дешевая сальная свеча, воняющая прогорклым жиром и постреливающая время от времени искрами, тоже стоила денег. А во-вторых, все, что написано дальше, Ренки знал наизусть, ибо читал этот текст уже, наверное, несколько сотен раз и мог бы, пожалуй, воспроизвести по памяти, даже если бы его разбудили прямо посреди ночи.

Впрочем, ему просто нравилось именно читать старые, еще отцовские «Наставления для слушателя его королевского величества Офицерского училища, сочиненные и записанные генералом оу Ликотом». Ибо впервые в эту книгу он заглянул, еще сидя на отцовских коленях, только начиная потихоньку разбирать архаичного вида буквицы... Так что, перечитывая раз за разом не слишком-то толстое собрание нравoucений и полезных советов, кото-

рые перемежались с уставами и картинками, изображающими экзерциции с мушкетом и фигуры строя, он словно бы возвращался в то далекое время, когда отец еще был жив, а всех забот у юного Ренки было — не попасться на очередной проказе и не схлопотать дюжину-другую розог. Отец был добрым человеком, но придерживался весьма жестких взглядов на воспитание молодого поколения.

Он умер полгода назад, как раз через месяц после того, как Ренки справил свое пятнадцатилетие. Сердце не выдержало внезапной вспышки давней возвратной лихорадки.

И все, что старый служака смог оставить своему входящему в юношеский возраст сыну, — небольшой, почти не приносящий дохода надел земли, отданный в аренду добрым людям, и скрипящий сырой дом с протекающей крышей. Да еще свою старую шпагу и стойкое убеждение пойти по стопам предков, которые жизнь свою посвятили королевской службе.

Вот только одна беда — денег, чтобы купить даже самый низший офицерский чин, у юного Ренки не набралось бы, даже продай он все, что имеет, включая одежду. Так что самый короткий путь к заветному погону для него был закрыт. Тем более полную экипировку, включая мундир, коня и оружие, также пришлось бы покупать на свои деньги.

Зато — Ренки узнавал — после продажи надела и дома набиралась вполне подходящая сумма, чтобы, не шикуюя и экономя каждый грошик, доехать до столицы и поступить в его королевского величества Офицерское училище.

И пусть, по слухам, кадетом становится только каждый двадцатый претендент. Ренки в себе не сомневался — ведь его начали готовить к поступлению туда, кажется, еще раньше, чем он научился ходить и разговаривать.

Увы, больших денег старый вояка за почти сорок лет безупречной службы и полученные за это время шесть ранений так и не выслужил, так что училище было для давным-давно обедневшей семьи оу Дарээка единственным выходом.

И дело не только во владении шпагой или стрельбе из

мушкета или пистолетов. Главное, отец заложил в сына весьма достойную теоретическую базу, так что по части знаний, необходимых настоящему офицеру, Ренки (он сам был в этом уверен) намного превосходил всех своих сверстников.

— Ренки... — послышался голос за окном, и юный мечтатель вздрогнул, поняв, что прошляпил и скрип открывающейся калитки, и шуршание гравия под ногами внезапного посетителя. — Ренки, — вновь окликнул его знакомый голос. Докст — старый приятель и соучастник множества детских проделок, не утруждая себя возней с дверью, запрыгнул в окно и устроился на подоконнике, болтая ногами. — Все за книгами сидишь? А ведь сегодня День коронации! В деревне будут танцы, невежливо не почтить короля и проигнорировать такое событие!

— Гм... — задумался будущий офицер.

С одной стороны, даже простенькие деревенские танцы для него означали определенные траты, ибо нужно будет заплатить несколько монет музыкантам, купить в буфете хотя бы графинчик вина и подходящие закуски... Опять же наверняка придется угостить приятелей и нескольких девиц. Конечно, это не то чтобы серьезно подорвет его бюджет, однако сейчас он берег каждый грошик, ведь деньги так понадобятся ему в ближайшее время...

Нет, конечно, можно было бы прийти, покружить в танце нескольких ровесниц. Или хотя бы просто постоять в сторонке, любуясь на их свежие лица и наливающиеся женской красотой тела. Ведь большинство деревенских парней именно так и поступят, но на то они и обычные простолюдины. Он же после смерти отца унаследовал титул и родовые привилегии. А оу Ренки Дарээка не подобает принимать участие в чем-либо, если он не может за это заплатить. Это было бы уроном его чести и чести всех его предков.

Но с другой стороны, там наверняка будет Лирина. А если он и впрямь собирается через две недели отбыть в столицу,

то, возможно, второй шанс вновь увидеть ее выпадет ему только через много-много лет.

— Ты слышал, — продолжал искушать Докст, — к господину Аэдоосу приехал старший брат. Офицер, герой, ветеран Зарданской кампании! Говорят, он участвовал в битвах под Растдером и Туонси.

Последний довод окончательно сломил и без того слабое сопротивление Ренки.

Ифий Аэдоосу, ветеран Зарданской кампании, был сегодня, мягко говоря, не в духе. Лживая продажная девка-удача, похоже, не просто отвернулась от него, но еще и умудрилась попутно утащить кошелек и заразить дурной болезнью. Только так можно было объяснить хроническое невезение, преследовавшее Ифия уже целых полгода.

И это его, ветерана Зарданской кампании! Того, кто под Растдером, не моргнув глазом и ни разу не поклонившись пулям, стоял на редутах до тех пор, пока вражеское ядро не разорвало в клочья последнего солдата его роты... Кто под Туонси, подхватив знамя полка, повел за собой в штыковую атаку последние остатки славного Двенадцатого Гренадерского и все-таки смог взять тот проклятый холм... И не его вина, что бездарные желтомундирники Девятнадцатого Королевского, испугавшись запачкать свою щегольскую форму и разодрать кружева манжет, сдали назад... Знамя его полка было на той высоте, и даже последний прощельга-писарь генеральской ставки не посмел бы утверждать иного...

И вот, после всего этого... После двух лет то глотания пыли на дикой жаре, то бесконечной грязи, смешанной со снегом и кровью, после сгнивших зубов и приступов кровавого поноса, начавшегося из-за дерьмовой воды Зарданского плоскогорья, после вражеского штыка, разорвавшего ему щеку и едва не лишившего глаза, после простреленного плеча и сабельного удара по бедру его обходит какой-то юнец. Сопляк, ни разу не нюхавший пороху и не глядевший в дуло направленного на него мушкета,

зато способный похвастаться полными денег сундуками своей родни да громкой приставкой «оу» перед именем.

А следом — серия мелких неудач: украденный после ночи в трактире кошель, взбучка от начальства за «неподобающий вид», две дуэли с желтомундирниками, не принесшие ничего, кроме проблем и, наконец, вынужденная отставка.

И это тогда, когда его славный Двенадцатый Гренадерский снова отправляют на войну, где есть все шансы наконец-то добиться давно заслуженного продвижения по службе... Потому как чертов братик отказывается дать деньги на очередной чин, аргументируя это спадом в делах и тем, что непутевый братец Ифий и так потратил свою долю отцовского наследства на покупку себе «благородного» звания и кучи ненужного барахла к нему...

А может быть, он и прав? Сказки о славном и прибыльном офицерском пути так и оказались сказками. Потому как большую часть службы пришлось прозябать по далеким гарнизонам без всякой надежды на повышение, да еще и терпя брезгливые взгляды благородных оу, которые те бросали на сына владельца скобяной лавки, посмевшегося затесаться в их ряды. Вечно сидеть в долгах из-за нерегулярно выплачиваемого жалованья и тратить те немногие крохи, что удалось умыкнуть от сумм на солдатское содержание, на кислое вино и уродливых шлюх.

Едва же начались боевые действия и забрезжила хоть какая-то надежда заслужить новый чин, его под благовидным предлогом выперли из полка всего лишь за то, что очередной жутко богатый и благородный оу не умел пользоваться своей шпагой и не смог переварить стальной клинок, когда тот проткнул ему брюхо...

Нет, выперли его, конечно, не из-за дуэли, ибо офицеру дозволено отстаивать свою честь в благородном поединке. Но у командира роты всегда легко найти кучу огрехов, которые, если, конечно, хорошенько постараться, можно раздуть в серьезное дело. Ифий Аэдоосу это прекрасно знал и не стал доводить дело до Армейского суда, когда ему тонко намекнули на нежелательность его даль-

нейшего пребывания в славных рядах Двенадцатого Гренадерского, чье знамя под Туонси он воткнул на вершине того проклятого холма, навечно провонявшего пороховой гарью и залитого кровью сотен солдат, оставивших на нем свои никчемные жизни.

А сегодня он еще и умудрился проигратся в кости каким-то деревенским увальням, не отъезжавшим от своих свинарников дальше, чем на десяток верст...

Эта проклятая девка точно заразила его дурной болезнью, имя которой — невезение.

— Так ты все же решил поехать? — уточнил Докст вот уже, наверное, в стотысячный раз за последнюю пару месяцев.

— Угу, — привычно уже промычал Ренки, думая о чем-то своем.

— А если не поступишь, а денежки-то уже — тью-тью?

— А что мне делать здесь? — Внезапно очнувшийся от своих мыслей Ренки почему-то решил сейчас быть откровенным и вместо высоких слов о долге и служении привести понятные старому приятелю доводы. — Ты ведь не хуже меня знаешь, что я фактически нищий.

— Ну-у-у... — протянул Докст, который, несмотря на юный возраст, был человеком крайне практичным и весьма твердо стоящим на земле, в смысле не витал в облаках. — Ты бы мог занять какую-нибудь должность в управе. Или жениться!

— Ага, и до сорока лет переписывать бумажки да лебезить перед старыми ленивыми чинушами, ибо без средств и связей надеяться на что-то большее не приходится. А насчет жениться... Это означало бы продать титул и честь своего рода за миску овощей и кусок мяса на каждый день. И все равно пришлось бы постоянно лебезить перед тестем, выпрашивая у него средства на проживание, а еще зависеть от собственной жены и пресмыкаться перед ней. Я так не хочу.

— Можно подумать, окончив это свое училище, ты сразу станешь генералом и тебе не придется выслуживать-

ся перед разными офицеришками званием пониже... — привел Докст весьма разумный довод.

— Там — это другое! — убежденно ответил Ренки. — В армии тебя ценят по твоим способностям, а не по тому, насколько низко ты можешь прогнуть свою спину. Тем более сейчас идет война! После того как мы показали ор-гаарцам на Зарданском плоскогорье, кто есть кто, за них опять вступились торгаши-кредонцы... А значит, война будет долгой. Предстоит много походов, битв и сражений. Отец говорил, что только на войне выпускник училища может быстро продвинуться по службе.

— А еще схлопотать штыком в брюхо, — осторожно, опасаясь обидеть друга, добавил Докст. — Или, того хуже, остаться никому не нужным калекой, просящим пода-ние на Большом королевском мосту.

— Успокойся, — рассмеялся на это Ренки и добавил с беспечностью, столь свойственной всем юным мечтате-лям: — Со мной этого точно никогда не случится! Однако слышишь музыку? Танцы начались! Так что оставим пе-чальные разговоры и поспешим на площадь, где множест-во прекрасных дев скучают без своих кавалеров.

Увы, но красотка Лирина, как это ни странно, на тан-цах отсутствовала. Впрочем, Ренки еще не терял надежды и старался не расстраиваться. Благо тут хватало закадыч-ных подружек первой красавицы деревни, и они куда ме-ньше задирали свои носики и не строили из себя прин-цесс. В конце концов, пусть Ренки и являлся фактически нищим, парень он был не из последних, и благодаря не то-лько своим титулу, но и высокому росту, поджарой, мус-кулистой фигуре умелого фехтовальщика, золотистой ше-велюре и вполне приятному для женских глаз лицу. О том, что иные девицы отказывают иным кавалерам, не согла-шаясь на танец, он, конечно, слышал, но сам обзавестись подобным опытом еще не успел.

Время пролетело быстро. Мягкие сумерки уже сгусти-лись до беспросветной темени, и музыканты деревенско-го оркестра начали сбиваться с ритма и нещадно фальши-вить.

— Разрешите засвидетельствовать вам свое почтение, сударь, и выразить свою благодарность за доблестную службу королю, — обратился Ренки к высокому крепкому мужчине с суровым, жестким лицом, на котором даже длинный уродливый шрам, пересекающий щеку, казался лишь атрибутом и дополнением к зеленому мундиру Двенадцатого Гренадерского полка. — Позвольте представиться — оу Ренки Дарээка, и смею надеяться, также будущий офицер. Не позволите ли угостить вас вином?

— Что ж, «будущий офицер», если «доблестная служба королю» чему-нибудь меня и научила, так это никогда не отказываться от дармовой выпивки. Наливай!

Ренки немного покоробили подобные выражения, произнесенные «эталонном изысканного воспитания и благонравия», однако он отнес их на счет присущей всякому герою раскованной и грубоватой мужественности и с радостью заказал графинчик лучшего вина, которое только можно было найти в трактире.

— Сударь, — продолжил он, наполнив вином обе кружки, — не будет ли с моей стороны излишней наглостью попросить вас поведать мне о тяготах службы королю и о тех битвах, в которых вы имели честь сразиться во имя отечества нашего?

— Ох и имел же я эту честь! — хмуро пробормотал Ифий Аэдоосу, подумав: «Очередной сопляк, мечтающий о подвигах и славе, купленных на родительские денежки». — Но ты, парень, не бойся. Там этой чести еще много осталось, хватит и на твой век!

— Смею надеяться, что это так и есть... — вежливо ответил Ренки, хотя в его голове вдруг и пробежала подлая мыслишка, что перед ним никакой вовсе не офицер, а обычный мужлан, напяливший на себя чужую форму. — Однако, возможно, вы расскажете мне о том, что показалось вам самым трудным на поприще служения королю. Хочу быть готовым к преодолению любых препятствий.

— Самое трудное... — проговорил Ифий, для которого этот графинчик вина был уже шестой по счету. Он оглядел собрание деревенщин, столпившихся вокруг его столика,

чтобы послушать байки про войну да про королевскую службу. И, зло ухмыльнувшись, сказал чистую правду: — Самое трудное, парень, полагаю, был непрекращающийся понос! Ага, именно понос! День за днем, неделю за неделей только и делаешь, что бегаешь до отхожего места... Мы, клянусь душой, даже амуницию тогда толком не застегивали, потому как пока расстегнешь все эти пряжки да застёжки, рискуешь остаться с полными штанами. — Ифий с удовольствием поглядел, как сопливого мальчишку передернуло от таких живописных подробностей, и продолжил: — Так что, мой совет тебе, парень: хочешь стать офицером, заранее запасись подходящей пробкой, дабы держать свои подштанники в чистоте.

Вокруг заржали деревенские, причем смеялись они явно над Ренки, позволившим сделать себя объектом столь низких и непотребных шуточек. Теперь можно было даже и не сомневаться, что в ближайшие годы вспоминать о нем будут исключительно как о «Ренки с пробкой в заднице» или придумают нечто подобное.

— Сударь, — окаменев лицом, заметил Ренки, — вы забываетесь. Уж не знаю, каких нравов придерживались люди, среди которых вы имели честь вращаться последнее время, однако я не позволю вам разговаривать со мной в столь дерзостном тоне. Извинитесь немедленно!

— А иначе что?

— Иначе, сударь, как дворянин, я потребую у вас сатисфакции согласно правилам дуэльного кодекса!

— Брысь, сопляк, — нагло и глумливо глядя на красного от смущения и ярости щенка, чья неприкрытая обида словно искупала все его личные беды и неприятности последнего времени, расхохотался Ифий. — Чтобы я, ветеран битв под Растдером и Туонси, скрестил свою шпагу с каким-то молокососом? Убирайся-ка к своей мамочке и вели ей помолиться за мое здоровье, ибо я оставил жизнь ее бестолковому отпрыску!

И, сказав все это, отставной офицер положил свою ладонь на лицо Ренки и толкнул его на землю.

Девка-удача и впрямь была неблагосклонна к Ифию

Аэдоосу в этот день. Однако обошла она своим вниманием и бедолагу Ренки...

Возможно, если бы, свалившись на землю, тот не увидел наконец красотку Лирину, с интересом наблюдавшую за всей этой сценой, ему бы еще и удалось сдержать свой гнев. В конце концов, к завершению этого разговора симпатия всех зрителей была явно на стороне мальчишки, которого без всякого на то повода начал оскорблять какой-то пришлый мужлан. Да и к тому же дуэль не единственный способ отстоять честь дворянина. Подай наутро Ренки заявление в суд — и Ифию, даже несмотря на все его заслуги и мундир, точно бы не поздоровилось. А уж жизни в этой деревне ему бы точно больше не дали — деревенская община не приемлет подобных хамов и скандалистов, пусть они будут хоть трижды отставными офицерами и ветеранами. Но вот изменчивая девка-удача решила по-своему, пожелав зачем-то жестоко наказать и так не слишком избалованного ее вниманием мальчишку.

Молодые ноги мгновенно взметнули тело вверх, а кинжал словно бы сам собой вылетел из ножен, и опытная рука фехтовальщика, впервые взявшегося за учебную рапиру в четыре года, нанесла хирургически точный укол прямо в горло.

Так и окончил свою жизнь ветеран Зарданской кампании, участник битв под Растдером и Туонси Ифий Аэдоосу, который продолжал глумливо хохотать до тех пор, пока не начал захлебываться собственной кровью.

ГЛАВА 2

— Шире шаг, грязные каторжные твари, если вместо ужина не хотите отведать плетей. Если мы не доберемся до лагеря раньше, чем солнце коснется края степи, спать ляжете голодными!

Итак, мечта оу Ренки Дарээка сбылась. Сбылась так, как сбываются все мечты тех, над кем боги решили власть посмеяться. Он наконец попал в Королевскую ар-

мию и служит его величеству. Вот только не в чине офицера, сидя на белоснежном коне в красивом мундире и со шпагой на боку, а в роли солдата каторжной команды. Голодный, оборванный, избитый и оступевший от всех обрушившихся на него несчастий.

Нет, Королевский суд был по-своему милостив к нему. Ведь могли бы и повесить в назидание другим. Или отправить на рудники, что в Редаарских горах, где каторжане, как говорит молва, живут не дольше двух лет. Но его отправили в армию. На десять лет или до того времени, пока беспримерным подвигом не заслужит высокого королевского помилования.

Хотя тот же самый суд мог бы обойтись и куда менее строгим наказанием. В конце концов, десятки свидетелей твердили, что убитый сам, первый напал на убийцу и, дерзко возложив руку ему на лицо, толкнул на землю. И пусть у него не было оружия. Взрослый ветеран против мальчишки — это не самый честный расклад. А учитывая, что перед этим убитый еще и оскорбил подсудимого и даже посмел отказаться от вызова на дуэль по всем правилам... Да, демоны побери, Ренки бы мог отделаться парой лет заключения и приличным штрафом в казну. Ведь даже брат убитого просил быть милостивым к юноше. А деревенская община предлагала взять на поруки круглого сироту.

Вот только у королевского судьи был собственный сын, примерно того же возраста, не вылезавший из трактиров, нарывающийся на драки, вечно приносящий отцу множество неприятностей и позорящий род. И если бы не его мамаша, боготворящая собственное дитяtko, уважаемый судья давно бы применил к отпрыску самые суровые меры. Но...

Но вместо этого он решил отыгаться на бедолаге Ренки, чтобы его пример стал уроком для всех возомнивших о себе невесть что сопляков, не способных ценить ни собственные, ни чужие жизни.

Удача — девка не только ветреная, но и абсолютно безжалостная. И уж коли решила она кого-то покарать, то ее жестокость не знает границ.

Угроза остаться без ужина может сотворить настоящие чудеса с теми, кто последние три месяца перебивался лишь жиденькой похлебкой да малым куском хлеба.

Ноги, кажется еле волочащиеся по дорожной пыли, сразу задвигались быстрее. Солнце еще достаточно убедительно висело над землей, когда показались границы лагеря.

— Ну и что за падаль ты привел мне, лейтенант? — с отращением глядя на присланное пополнение, заметил полковник оу Дезгоот. — Я, конечно, понимаю, что ты сдаешь их по головам, а не по весу. Но какие-то приличия соблюдать-то надо!

— Заверяю вас, полковник, — даже не стараясь быть убедительным, ответил на это вышеуказанный офицер. — Именно таких я и получил месяц назад в порту Лиригиса. Это все чертовы моряки! Кормили их раз в неделю. А у меня они даже немножечко потолстели.

— И много ли сдохло по пути?

— Не более десятка, — приврал лейтенант. — И то исключительно по собственной вине и глупости. Зато — и вы еще будете мне за это благодарны — я научил их смирению!

Во время пребывания в городской тюрьме Ренки очень страдал. Вернее, думал, что страдает. Потому что мягкий тюфяк, набитый свежим сеном, и обеды от дядюшки Тааю еще долгие годы потом снились ему в сладких снах.

Дядюшка Тааю, владелец того самого трактира, где произошло убийство, не только искренне сочувствовал попавшему в неприятности мальчишке, но и столь же искренне был ему благодарен. Ведь отныне его заведение обзавелось собственной *историей*, которую можно годы напролет рассказывать посетителям, демонстрируя столик, «за которым они сидели», и «то самое место, куда он упал, обливаясь кровью». Так что на вкусные и обильные обеды он не скупился.

Но Ренки искренне страдал, потому что дни, пока шло это нелепое следствие и дурацкий суд, бежали один за дру-

гим, а с ними столь же стремительно истекало время подачи прошений на допуск к экзаменам в его королевского величества Офицерское училище.

Да и сам факт, что потомок благородной семьи оу Ренки Дарээка подвергается аресту подобно какому-то преступнику, был в высшей степени оскорбителен. Хорошо еще, что он и так собирался покинуть родной городишко, и все об этом знали. Иначе бы Ренки не смел смотреть в глаза горожанам, да и его поспешный отъезд мог бы быть воспринят ими как постыдное бегство.

Приговор он выслушал с недоумением. Это просто нелепость какая-то. Даже брат убитого сказал речь в защиту убийцы. Все свидетели твердили одно и то же. Ведь он лишь отстаивал свою дворянскую честь, ибо проявление слабости или нерешительности в такой момент легло бы грязным пятном на репутацию всего благородного сословия. И как это королевский судья не может понять такой простой истины и вместо немедленного оправдания Ренки начинает говорить какие-то немислимые и нелепейшие слова? А ведь он, Ренки, еще собирался испросить у него какой-нибудь документ, объясняющий приемной комиссии столь досадную задержку.

Собственная невиновность была столь очевидна для Ренки, что даже слова адвоката о подаче какой-то там апелляции на высочайшее имя казались ему нелепым фарсом. Какая, к демонам, апелляция?! Его просто должны были отпустить. Сейчас! Немедленно! Ибо этот дурной сон явно слишком затянулся.

Но его не опустили. И несколько следующих дней он провел как в тумане.

Туман этот упал на сознание Ренки, когда холодное и ржавое железо кандалов коснулось его кожи. Он жил как в бреду. Выполнял какие-то команды, куда-то шел в толпе таких же звенящих кандалами и оглушенных ударами судьбы спутников. Ел что дают. Или отдавал свою еду кому-то другому, когда его об этом просили. Спал, когда появлялась такая возможность, и просыпался от начинающегося по утрам шевеления других каторжан.

Туман исчез, сменившись вонючим сумраком корабельного трюма. Исчез внезапно, и взору Ренки предстала какая-то мерзкая рожа, дерзко тянущая из его рук миску с отвратительно пахнущей похлебкой.

— Ты чё, пацан, — слегка удивилась рожа тому, что обычно безропотный клиент вдруг потянул миску на себя. — Совсем, что ли?

— Пшел вон, быдло, — посмотрев в глаза наглеца взглядом бывалого фехтовальщика, ответил Ренки, даже не думая о последствиях.

— Не... в натуре... — все еще не веря в происходящее, пробормотала рожа.

Тут надо сказать, что Ренки хоть в чем-то, хоть немного, но повезло. По закону заменить каторгу армией могли только осужденному, впервые попавшемуся в лапы правосудия. Да и само преступление не должно было быть совсем уж тяжким, поэтому каторжная команда, в которую попал бедолага, состояла в основном из бродяг, проворовавшихся приказчиков, пьяниц-дебоширов или пойманных на мелких кражах воришек. Было тут и несколько убийц, но, раз Королевский суд счел возможным заменить им виселицу на армию, значит, в их деле имелись смягчающие обстоятельства.

Однако говорят, что если собрать вместе отпрысков благороднейших фамилий и ограничить их в еде, то даже достойнейшие дети, воспитанные в духе истинной благопристойности, вскоре разделятся на банды и более сильные начнут отбирать еду у слабых¹.

Вот и в каторжной команде, куда попал несчастный Ренки, мгновенно появилась такая банда, сложившаяся из наиболее пронырливых и наглых каторжан, не брезгующая любыми возможностями улучшить условия своего существования за счет не столь энергичных товарищей.

Увы, верзила Гаарз был одним из тех наглецов, который ошибочно принял сумеречное состояние души Ренки за признаки слабости и трусости. Но сумеречное состоя-

¹ Научно доказанный факт. Подобный эксперимент проводился в одной из закрытых частных школ Англии.

ние наконец пало, и благородный юноша готов был дать отпор наглým притязаниям пойманного на краже портового грузчика. Только вот у портового грузчика перед Ренки было одно значительное преимущество — он весил, наверное, раза в полтора больше бывшего мечтателя.

Единственное, что удерживало Гаарза от решительных действий, — это жиденькое содержание миски, из-за которой шла борьба. Ибо даже его не слишком далекого ума хватало, чтобы понять, как легко выплеснуть столь драгоценную в этих условиях еду на и без того загаженные доски корабельного трюма.

Наконец сила возобладала над молодостью и энтузиазмом. Дернув чересчур сильно, Гаарз не только вырвал миску из рук нашего героя, но и вылил ее себе на лицо. Получилось крайне неудачно. В банде, которая верховодила в трюме каторжанской посуды, Гаарз и так находился отнюдь не на первых ролях, а тут и вовсе выставил себя посмешищем перед всеми.

Язвительный смех за спиной, сопровождающийся обещаниями вожака лишить самого Гаарза причитающейся ему доли отобранной у других еды, разбудил в его изменчивой натуре звериную ярость. И он, набросившись на Ренки, начал его душить.

Эх, бедолаге Ренки сейчас бы в руки шпагу ну или хотя бы кинжал... Да сгодился бы даже простой столовый ножик, а то и вовсе щепка. Он был обучен отстаивать свою жизнь, но, лишенный чего-либо хотя бы отдаленно напоминающего клинок, мог только вцепиться в огромные руки Гаарза и скрести по ним изрядно отросшими за время заключения ногтями.

Горло сдавило, как клещами... Казалось, что даже позвоночник сминается под этими кошмарными, словно выкованными из стали пальцами. Перед глазами все плыло, и искра сознания уже почти было совсем померкла. Но тут Ренки уловил некое движение. Жуткое давление на горло пропало, и несчастный смог втянуть в себя первый, казалось бы состоящий сплошь из раскаленных иголок, но такой желанный вдох.

— Э-э-э, какого демона? Ты?! — услышал он словно бы сквозь туман.

— Беелд, пусть твои ребята впредь держатся подальше от парнишки. Ты меня понял?

Сказано это было как-то странно, словно слова произносились не совсем правильно.

— А не многовато ли на себя берешь, парень?

— Короче, я тебе сказал — от парнишки отвалить. Еще раз попробуете наехать, будете иметь дело со мной.

— Ты чё, типа нашел себе подружку? А может, нам вас обоих по кругу пустить?

— Следи за базаром, отрыжка помойная.

— Ах ты!.. Не слишком ли зарываешься? Нас тут одиннадцать, а вас меньше чем полтора: ты да твоя подружка...

— Но прежде чем вы сможете до меня добраться, я убью двух-трех из вас. И еще столько же искалечу. А калекам тут не выжить, значит, они тоже в скором времени станут трупами. Попробуй приказать кому-нибудь из своих пожертвовать жизнью ради твоей прихоти. А я посмотрю и посмеюсь.

Странно, но в этом голосе не было ни капли похвальбы, зато такая уверенность в собственных силах и в правдивости данного предсказания, что даже этот Беелд не посмел ничего возразить.

— Ну... Тогда спи вполглаза... — напоследок посоветовал вожак банды. Однако чувствовалось, что это даже не столько угроза, сколько попытка сохранить остатки своего авторитета.

— Я и так сплю вполглаза. — В голосе неизвестного сквозила усмешка. — Думаю, ты уже успел в этом убедиться.

Судно покачивало на волнах, что-то скрипело, шуршало и хлопало, невыносимо давя на голову. Ренки в изнеможении прислонился спиной к борту. Увы, но, когда пала пелена бесчувствия, вся мерзость его нынешнего окружения предстала перед ним во всей красе.

В трюме нестерпимо воняло давно не мытыми челове-

ческими телами, испражнениями и рвотой. Грязь была везде... Липкие доски пола и бортов... Ржавые и почему-то тоже липкие цепи кандалов на ногах. Липкая вонючая солома, брошенная, словно в хлеву, на пол, собственная одежда, липкая от грязи. Руки, лицо... Казалось, что даже воздух и свет, проникающие откуда-то сверху, мгновенно покрывались липкой мерзостью, едва достигая трюма невольничьего корабля. Это было просто невыносимо.

— Э-э-э, парень... — окликнул его уже знакомый голос. — Ты в порядке?

Лишь только врожденное благородство и воспитание, не позволяющие проигнорировать человека, оказавшего ему столь ценную услугу, заставили Ренки вновь открыть глаза и сесть, выпрямив спину, как это и полагается при разговоре с человеком столь же благородного происхождения.

— Благодарю вас, сударь, — с трудом протискивая слова сквозь все еще пламенеющее болью горло, ответил он своему спасителю. — Благодарю вас за все!

— Ну-ка подними голову, посмотри, что у тебя с шеей...

— Это лишнее, — горько и обреченно усмехнулся Ренки. — Не имеет смысла.

— А вот тут, парень, ты сильно не прав. — Упрямый голос назойливого собеседника продолжал настойчиво ввинчиваться в мозг Ренки, не позволяя ему снова уплыть в спасительное небытие. — Надо жить!

— К чему?! — внезапно даже для самого себя рявкнул несчастный парнишка, почувствовав нестерпимую злобу по отношению к своему спасителю. — Ради чего? Разве это жизнь?

— Пока живешь, есть надежда! — убежденно сказал чужак. Настолько убежденно, что Ренки почти ему поверил.

— Надежда на что? — туповато спросил он.

— Ну... — как-то равнодушно-весело ответил чужак. — Нас ведь в армию отправляют? Не знаю, как там было у тебя, а мне в приговоре написали: «...или пока беспримерным подвигом во имя короля и отечества не выслужит вы-

сокого королевского помилования». Так что всего и делов — совершить беспремерный подвиг! Ты ведь не трус?

— Никогда! — Спина Ренки могла бы сейчас послужить эталоном прямизны, а голосом можно было бы заморозить океан. — Никогда оу рода Дарээка не позволяли заподозрить себя в трусости!

— ...Вот и я говорю: не трус, — миролюбиво подхватил чужак. — Но чтобы совершить беспремерный подвиг, надо суметь дожить до подходящего момента, чтобы его совершить. Ты согласен?

— Ну да, — вынужден был признать правдивость этих слов слегка озадаченный Ренки.

— А чтобы выжить, парень, тебе надо многому научиться. В том числе и смирять свою гордость... Да-да, знаю, что ты мне сейчас скажешь: «Никогда, никогда оу рода Дарээка...» Но, парень, сейчас твоя истинная цель — выжить. Выжить назло всем тем, кто упек тебя на эту каторгу. Каждый раз, когда жизнь покажется тебе совсем невыносимой и захочется совершить какое-нибудь безумство, просто вспомни лица судей, прокуроров. Ну и вообще своих врагов. Они бы очень хотели, чтобы ты сдох тут. А ты должен выжить назло им. Разозлились — это придаст тебе сил! Понял?

Ренки задумался. Представил лицо судьи, заплывшее жиром, надменно-равнодушное. Других врагов у него вроде не было. Но и одного вполне хватало, чтобы дать стимул к жизни.

— Во-о-от, — удовлетворенно протянул чужак. — Кажется, понял. Меня, кстати, Готор зовут...

— Оу Ренки Дарээка, — вспомнив о приличиях, представился в ответ наш герой.

— Вот и отлично, Ренки, будем держаться вместе.

— Хм... Хорошо, — сказал Ренки, внезапно осознав, что весь этот разговор чужак затеял не просто так, а именно для того, чтобы сблизиться с ним. Учитывая грязные намеки Беелда, Ренки внезапно очень захотел выяснить, с чего бы этому Готору приспичило проявлять такую заботу

о другом узнике. — Только скажите сначала, сударь, зачем вам это надо?

— Сколачиваю свою банду! — признался Готор. И по его голосу нельзя было понять, изволит ли он таким образом шутить или говорит чистую правду. — Поодиночке тут, парень, не выжить. А ты, я вижу, человек честный и надежный. Не предашь и не ударишь в спину. Я прав?

«Никогда...» — вновь захотелось возопить Ренки Дарэ-эка, выпрямив спину еще сильнее. Но понял, что это уже перебор. Спина такой прямоты просто не выдержит. Так что он просто ответил:

— Да.

Если кто-то думает, что с приобретением нового приятеля жизнь Ренки стала намного проще, то он глубоко заблуждается. Скучная, отвратительная кормежка. Теснота и вонь в трюме. А потом еще и люди вокруг начали умирать. Все это отнюдь не способствовало благостному расположению духа, душевному и физическому здоровью. Но зато хоть появилась маленькая отдушина — разговоры!

Готор оказался весьма интересным и необычным собеседником. Иногда он просто поражал Ренки объемом и глубиной своих познаний. Почти всегда удивлял необычным взглядом на, казалось бы, банальнейшие вещи. Но порой просто напрочь убивал абсолютной дремучестью.

О себе он говорил довольно мало и слишком туманно. Очень скоро наблюдательный Ренки понял, что все его рассказы о себе ограничиваются сроком примерно в четыре месяца, три из которых он провел уже в качестве заключенного.

До этого был суд. Еще раньше пограничный патруль схватил его за бродяжничество. До того Готор несколько дней скитался вдоль побережья. Об этих своих злоключениях каторжник рассказывал в красках, подчас не без юмора, с множеством забавных и занимательных подробностей.

А вот обо всем, что было раньше... Как понял Ренки, его новый знакомый плыл на каком-то корабле неизве-

стно откуда и куда. Случился шторм, корабль разбился, но Готор спасся, ухватившись за обломок мачты, вместе с которым его и вынесло к побережью королевства Гооредан.

Вполне правдивая история, если только не обращать внимание на то, как тщательно Готор обходил тему места своего рождения или не хотел говорить, откуда и куда плыл этот его корабль. А в ответ на прямой вопрос сослался на какие-то острова далеко на юго-востоке. Даже имя островов назвал, что-то вроде Легтского архипелага. Ренки слишком любил разглядывать атлас мира из библиотеки своего батюшки, чтобы не знать, что подобного архипелага не существует. Но ловить своего нового приятеля на вранье он не стал. Слишком страшно было терять вновь приобретенного, может, и не друга, но уж точно союзника.

Хотя поначалу эта таинственность сильно заинтриговала Ренки. И он даже отчасти заподозрил, не является ли его собеседник шпионом одного из враждебных Гооредану государств, вроде герцогства Оредан или Кредонской республики.

Но в конечном итоге наш герой пришел к выводу, что шпион мог бы придумать что-то более достойное, чем нелепые измышления про Легтский архипелаг. Да и в пограничном патруле служат отнюдь не самые глупые люди, чтобы не заподозрить в шляющемся вдоль побережья бродяге без документов и денег шпиона. Но коли осудили его за бродяжничество, а не за шпионаж, все доказательства свидетельствуют в пользу Готора.

Да и вообще *тут* было не принято расспрашивать о жизни *до*. И о перипетиях, кои привели того или иного узника к столь печальному положению.

Еще одним большим плюсом союзничества с Готором стало появившееся чувство защищенности. По крайней мере, можно было теперь спокойно выспаться, зная, что кто-то присматривает за тем, чтобы никто не прирезал тебя во сне или, допустим, не украл обувь.

Готор особенно упирал на обувь, приводя резонный

довод, что, вероятно, им еще предстоит пройти немало верст по не самым ровным дорогам. А значит, от сохранности обуви напрямую зависит и жизнь ее обладателя.

Он, кстати, оказался тут не единственным умником, осознавшим эту истину. К тому времени, как Ренки более-менее пришел в себя, его собственная пара грубых сандалий была уже кем-то благополучно украдена. Как Готору удалось уговорить Ренки забрать сандалии мертвеца — это, пожалуй, отдельная тема. В ход пошли и разумные доводы, и отсылки к похождениям богов и героев древности, и воззвания к злобе, гордости и чувству самосохранения. И даже попытка взять на слабо, когда предстоящее мародерство было выставлено как экзамен перед будущими испытаниями. В конечном итоге уговорил.

А еще оказалось, что Готор отнюдь не шутил, когда сказал, что сколачивает собственную банду. Он действительно делал это, впрочем, весьма осторожно, чаще отказывая кандидатам, чем принимая их. Причем руководствовался он при этом весьма странными и непонятыми Ренки критериями, почему-то проигнорировав двух единственных (помимо Ренки) узников благородного происхождения, томящихся в этом трюме, но зато приблизив к себе проворовавшего приказчика и мастерового, покалечившего в пьяной драке какого-то кабацкого вышибалу. А еще он взял в банду какого-то бродягу из туземцев и даже парочку воров-домушников.

Но особенно Ренки был неприятно удивлен, когда его новый приятель согласился принять в банду Гаарза — того самого мерзавца, едва не отправившего Ренки на тот свет.

— Парень он неплохой, — спокойно объяснил Готор свое решение. — Просто попал под влияние Беелда. Но заметь, в той банде, даже несмотря на свою впечатляющую силу, он быстро скатился на самые низкие позиции, что говорит о явном недостатке у него подлости. Зато попав по наше влияние, он вполне может переродиться в человека благородного! Шучу-шучу... — поспешно сказал Готор, выставив вперед ладони в примиряющем жесте. — Знаю, на то, чтобы вырастить «благородного человека»,

поколений пятнадцать его предков должны быть столь же благородны. Хотя и непонятно, как они узнают о собственном благородстве, имея, допустим, всего десяток благородных предков... Но Гаарз — парень сильный, выносливый и вполне обучаемый. Нам такие люди понадобятся.

— Понадобятся? — переспросил Ренки. — Когда?

— Эй, парень! — отозвался Готор. — Ты не забыл? Мы идем на войну. Как ты думаешь, наверное, есть некие причины, почему с изначальных времен люди дрались не поодиночке, а отрядами? Вот и мы готовим собственный отряд, чтобы во всеоружии встретить любые беды и неприятности, которые готовит нам будущее.

— Тогда разумнее было бы призвать в наши ряды людей благородного происхождения, кои по праву своего рождения являются храбрыми воинами и достойными людьми, а не разный сброд, — запальчиво возразил на это Ренки.

— Угу, подонка, изнасиловавшего одиннадцатилетнюю девочку, — с деланным согласием кивнул Готор. — И игрока в кости, давным-давно проигравшего свою честь и промышлявшего мелким воровством, заказными дуэлями и подделкой банковских чеков? Я говорил с ними — это мразь, которая предаст нас при первой же возможности за дополнительную миску баланды. Неужели ты и правда добровольно готов стоять с ними в одном строю? Эх, Ренки, когда же ты наконец поймешь, что судить людей всего лишь по их происхождению — это большая ошибка?

В ответ Ренки промолчал, ибо крыть ему было нечем. Но тем не менее остался при своем мнении.

ГЛАВА 3

Все рано или поздно заканчивается.

Вот и «морская прогулка» оу Ренки Дарээка и его попутчиков подошла к концу по прибытии в порт Лиригиса — уездный городишко, кажется, состоящий лишь из пересыльной тюрьмы, казарм, нескольких десятков каба-

ков да еще десятка домишек тех, кто обслуживает эти кабаки, тюрьму, и казарму.

Однако даже иссушенный зноем и пылью воздух Зарданского плоскогорья не помешал Ренки искренне радоваться смене опостылевших декораций трюма каторжанского судна. Наивный! То, что началось потом, еще долго будет преследовать бедолагу в ночных кошмарах.

Бесконечная каменистая пустошь, где глаз зацепляется даже за высохший пучок травинок, пробивающихся кое-где между камней. И еще более бесконечная дорога, кажется созданная злобными демонами для того, чтобы мучить людей.

Палящее солнце над головой, бесконечная пыль, забивающая рот, глаза и ноздри. Тяжелые оковы на ногах, не позволяющие сделать нормальный шаг и натирающие кошмарные мозоли, которые быстро превращаются в незаживающие язвы. А еще паек, урезанный даже по сравнению с корабельным, хотя, казалось бы, чего там урезать? И самое прекрасное напоследок — бичи и палки конвоиров.

Что творилось с Ренки, когда кнут капрала-надсмотрщика впервые коснулся его спины, сложно объяснить. Возмущение? Боль? Стыд? Искренняя и неуправляемая ненависть? Увы, любые слова слишком жалки и бесцветны, чтобы описать бурю чувств, разразившуюся в душе юного оу, чьей спины раньше касались лишь розги, зажатые в руке отца. Да и то давным-давно, когда он был еще несмышленым мальчишкой, толком не осознавшим, что такое гордость представителя древнего рода Дарээка.

Ренки нельзя было назвать слабаком и неженкой. Отцовская школа жизни была довольно-таки суровой, и на занятиях по фехтованию коротким или длинным оружием Ренки неоднократно получал удары, от которых хотелось упасть на пол и долго лежать, лелея боль. Только делать этого было нельзя, ибо вслед летели новые удары — отец не одобрял проявлений слабости.

А еще можно добавить сюда боль в мышцах, которые сводило судорогой после длительных забегов или выстаи-

вания в особых стойках с целью укрепления ног и спины. Долгие годы Ренки просто купался в ней!

Но то ведь тренировка, а *это...*

Пожалуй, после первого удара бичом, который прошелся по спине Ренки, наше повествование вполне могло бы окончиться, причем на весьма печальной ноте. Благородный даже в цепях оу уже рванул было вперед, чтобы наказать обидчика, пусть даже ценой собственной жизни. Но как всегда осторожный и разумный Готор не только сумел удержать своего союзника, но и привел достаточно веский для нашего героя довод, позволивший Ренки сдержаться.

— Помнишь, — прошипел он обиженному оу на ухо, держа его кисть вроде и не в особо сильном, однако почему-то не позволяющем шевельнуться захвате. — Ты говорил, что у тебя практически нет врагов, которых бы ты мог искренне ненавидеть? Так вот, начинай собирать коллекцию! Чем больше у тебя будет врагов, назло которым ты готов жить, тем сильнее ты будешь становиться и тем больше появится у тебя стимулов преодолевать любые преграды на пути к победе. Копи врагов. Копи силу. И ты победишь!

Может, из-за того, *как* он это сказал, а может, потому что данное нравоучение и самому Готору стоило удара бичом (конвоиры не скупилась), но Ренки услышал. И, глядя в перекошенное злобной улыбкой лицо приятеля, лишь кивнул головой. Не покорно. Не соглашаясь мириться с унижением. Но как один заговорщик другому. Если впереди маячит великая цель, можно пренебречь мелочами.

Что ж, Ренки был молод, силен и вынослив. И он смог выдержать месяц бесконечного переставления кровотока ног (и взятые у умершего сандалии совершенно не спасали ситуацию) по усеянной острыми осколками каменной дороге. Увы, но для многих иных каторжан подобное оказалось не по силам. Безжалостный зной, весьма скудная пища и начавшая протухать в кожаных бурдюках вода собрали свою дань с несчастной каторжной команды. Не

менее трех десятков человек остались лежать вдоль обочин проклятой дороги, так и не удостоившись чести стать солдатами короля. А сколько еще было тех, кто нашел свою смерть на корабле!

— Чем больше их содохнет сейчас, — равнодушно прокомментировал этот урон ведущий команду офицер, — тем меньше потратится король на харчи для сборища слабаков и подонков. Королевской армии нужны крепкие солдаты.

«Погонщики» даже взяли за труд позаботиться о телах: сняли с умерших казенные кандалы и велели каторжникам оттащить трупы подальше от дороги.

И вот она, долгожданная мечта, имя которой — армия! Как грезил юный Ренки Дарээка об этом моменте, сидя в своем захолустном городишке! Какие увлекательнейшие картины рисовало его воображение, когда он словно бы впадал в забытье, уставившись невидящими глазами в строчки очередной книги, которая рассказывала о подвигах героев древности!

Мундир одного из прославленных королевских полков? Мудрые и достойные подражания старшие офицеры? Благородное воинское братство равных? Доблесть и бесстрашие, проявленные на поле брани? Блестящая карьера?

— Ну хоть цепи сняли, — такими словами прокомментировал Готор свое вступление в доблестные ряды Королевской армии.

— Угу, — подтвердил его слова Гаарз. — И кормежка тут не в пример лучше будет.

Что ж, все это была истинная правда. Перед принятием присяги с них сняли цепи. А после — даже покормили. И в отличие от корабельной или этапной «кухни» в армии наполняли подставленную миску до краев, и выдаваемый кусок хлеба действительно казался куском, а не крошкой-переростком.

А какие чудные слова произнес полковник сразу после

того, как, преклонив колени, каторжники хором повторили слова присяги!

— Вы, грязное отребье! — сказал он, взирая на них по-отечески добрым, но строгим взором. — Только не думайте, что если приняли присягу, то стали солдатами. Никакие вы не солдаты. Вы — собственность Шестого Гренадерского полка. Чуть более ценная, чем ветошь для чистки мушкетов, но намного дешевле тягловых лошадей и верблюдов. Так что первым делом вбейте в свои вонючие головы, что пути обратно у вас нет. Отныне вы подчиняетесь Армейскому суду, а он, в отличие от разных там добреньких гражданских судов, утирать вам сопли и входить во всякие положения не станет. Для таких, как вы, у него есть только два вида приговора: мягкий — повешенье, и суровый — запороть до смерти. Малейшее неповиновение, даже брошенный в сторону капрала дерзкий взгляд — и вы на собственной шкуре проверите один из них. Про кражи, мародерство или попытки сбежать я даже говорить не буду. Смерть, смерть, смерть. И не ждите, что кто-нибудь станет искать доказательства вашей вины или какие-то там улики. Одного подозрения будет достаточно. Вбейте в свои насквозь прогнившие головы крепче, чем слова Святых Заветов, — вы не солдаты и никогда ими не станете. Вы грязное пятно на знамени нашего полка, и ваши сержанты и офицеры только и ждут повода его стереть. Сумеете уяснить эту истину, значит, проживете подольше и, может, даже сумеете сдохнуть с пользой для короля. Вздумаете проверить мои слова — и смерть ваша будет столь же мучительна, сколь и неизбежна. А теперь, лейтенант, они ваши.

Полковник оу Дезгоот величественно развернулся и удалился вместе со своей свитой. А на малом плацу лагеря Шестого Гренадерского полка остался только пожилой мужичок с лейтенантским погоном на мундире, и кучка мужчин с лычками капралов и сержантов на рукаве.

Лейтенант прошелся вдоль строя, взглядываясь в лица своих новых подчиненных. После всех мытарств, испы-

таных в течение длинного пути, выжило лишь пятьдесят два каторжника из сотни.

Подчиненные так же не остались в долгу и внимательно ощупали взглядом того, кто отныне станет вершителем их судеб.

Ренки увидел перед собой глубокого старика (лет сорок пять, не меньше) всего лишь с погоном первого лейтенанта и самой что ни на есть плебейской физиономией.

Гаарз отметил про себя, что мужик, несмотря на возраст, еще довольно силен и крепок. И даже он, верзила Гаарз, бывший чемпион порта по кулачным боям, вряд ли осмелится выйти против него на поединок.

А Готор обратил внимание на волевой и решительный взгляд и понял, что лейтенант — человек опытный и бывалый.

— Ну, значит так, свиньи, — начал свою речь лейтенант, закончив обходить строй. — Меня зовут первый лейтенант Лаарт Бид. Все между нами будет довольно просто. Вы по-хорошему — я к вам по-человечески. Вздумаете крутить и в свои воровские игры играть — прихлопну, как муху, и никакого суда мне для этого не понадобится.

«Судя по имени и его речи — простолюдин, выбившийся в офицеры из солдат», — отметил про себя оу Ренки Дарээка.

— Мне в помощь определены два сержанта, — продолжал лейтенант. — Они командуют тремя капралами. Соответственно и вас разобьют на три капральства. Я говорю сержантам, *что* делать. Они решают, *как*, и передают капралам. Капрал для вас — чуть повыше отца родного и главнее любого из богов, в которых вы там себе верите. Как он скажет, так и будет. Капралы будут вас бить. У них вон и палки для этого специальные есть. И будут они это делать часто, пока не вобьют в ваши головы хоть толику разумения. Но кто поднимет руку на капрала — умрет! Кто ослушается его приказа — умрет. Кто будет филонить и дурака валять — умрет. И не воображайте, что вы тут самые хитрые. Все ваши хитрости и уловки армия знает еще

с незапамятных времен. Со всеми вопросами, пожеланиями и претензиями можете обращаться только к своему капралу. Кто сунется хотя бы к сержанту, огребет палок по самое не могу. А уж коли найдется дурак заговорить со мной... Пусть лучше сам сразу удавится. Хотите жить — забудьте, кем вы были раньше. Хоть вором, хоть купцом, хоть благородным. Теперь вы в армии, а это, считай, родились заново. И главное, помните: можно жить и солдатом. Только для этого надо вести себя по-человечьи. А вздумаете прежнюю свою жизнь вести, не протянете и месяца. Все, капралы, теперь они ваши.

И началось с тех пор у Ренки армейское житье-бытье.

Красивый мундир? Сто раз ха-ха! После того как их разбили на капральства, перед командой каторжников вывалили груду рваного тряпья, когда-то давным-давно бывшего мундирами. Правда, после этого форма успела сменить десяток-другой хозяев. И при этом каторжникам велели привести себя в надлежащий солдату вид. Обуви, естественно, в этой груде не было.

Армейская служба? Упражнения с оружием? Даже не смешно. Какое оружие может быть у каторжника? Самое смертоносное, что получили на руки новые солдаты короля, — это лопаты, мотыги, метлы да несколько топоров.

А вся строевая подготовка — добежать и выстроиться в одну линию-колонну. Направо, налево, шагом марш. Шагом марш на работы с утра. И шагом марш вечером обратно в расположение отряда.

Служба? Копать, мести, таскать. Когда копать, мести, таскать было нечего, их отправляли в пустыню, таскать камни и выкладывать дороги. Но это хотя бы было понятно. А вот зачем, допустим, копать траншею до обеда, чтобы после обеда закапывать, Ренки поначалу понять не мог.

— Чтобы солдат не сидел без дела, — совершенно спокойно, словно бы даже соглашаясь с этим безумием, пояснил ему Готор. — От безделья в голову разная мура лезет, которая толкает на глупые поступки. А пока солдат занят

делом, он не так опасен и для самого себя, и для окружающих. И еще, Ренки, запомни: удача наконец-то нам улыбнулась. У нас и лейтенант вполне вменяемый, и команду капралов он под себя подобрал соответствующую.

— Вменяемый? — удивился Ренки. — С чего ты это взял?

— С того, что он сразу объяснил нам свои правила жизни. Правила очень простые и доступные. И заметь: он следует им неукоснительно!

— Ты про палки и смерть? — слегка иронично поднял бровь Ренки, уже спокойно вспоминая состоявшуюся на днях казнь Беелда, забитого до смерти по приговору Армейского суда.

— В том числе, — согласно кивнул головой Готор. — Вот скажи, когда тебя последний раз угощали капральской палкой?

— Ну... — задумался Ренки. — Пару недель назад.

— И то почему? — подхватил Готор. — Ты тогда последним в строй прибежал. Понимаю, что в нужнике сидел. И тем не менее. Обратил внимание на котел? Еда, конечно, однообразная, но вполне приличная. А это значит что? Правильно. Лейтенант и сам не ворует, и сержантам не дает. Это, знаешь ли, почти подвиг!

— Я, конечно, понимаю, на что ты намекаешь, — уже привычно оглядевшись, нет ли где поблизости капрала или кого-то из ненадежных сослуживцев, тихонько сказал Ренки. — Я тоже заметил, что наш лейтенант отнюдь не благородного происхождения, а значит, вполне может быть нечист на руку. Но ведь он все-таки офицер! А значит, обязан следовать общепринятым в офицерской среде стандартам и подавлять низменные побуждения своей натуры.

— Ну и дурак же ты, Ренки, — расхохотался Готор в ответ на эти слова. — Ладно, я тебе объяснять эти вещи не стану. Жизнь научит.

Потом вдруг армия и Шестой Гренадерский вместе с ней стронулись с места и куда-то потопали. Что измени-

лось для Ренки и его каторжной команды? Да, пожалуй, ничего. Разве что теперь им приходилось вставать за пару часов до рассвета, чтобы, быстренько набив животы вчерашней холодной кашей, с первыми лучами солнца в сопровождении охраны двинуться впереди войска. И уже после обеда, согласно указаниям квартирмейстера, начинать разбивать лагерь для неторопливо бредущего где-то позади полка.

Первым делом обычно рыли траншеи для отхожих мест, а затем уж, по мере возможности, возводили защитный вал вокруг лагеря. Каменистая, будто спекшаяся под испепеляющим солнцем почва Зарданского плоскогорья не слишком-то способствовала ведению земляных работ.

Потом начинали подтягиваться солдаты авангарда, тащившие все свое имущество, вроде палаток, котлов и дневного запаса продуктов и дров, на собственном горбу. А там уж подходил обоз с офицерскими палатками и шатром полковника, высокая честь ставить которые тоже выпадала каторжной команде.

Ну а дальше... Когда солнце почти полностью уходило за горизонт, у каторжан появлялась возможность немного отдохнуть. А утром, еще до рассвета, все начиналось заново...

Тяжелая работа отупляла настолько, что Ренки даже не сразу обратил внимание на нечто, что выделяло их капральство, пожалуй, из всех других капральств на этом участке фронта. Да и трудно заметить отличие, когда для тебя почти ничего не изменилось.

Ифий Аэдоосу не врал, когда рассказывал, что главной его проблемой на Зарданском плоскогорье был непрекращающийся понос. И лишь их капральство эта проблема почему-то обошла стороной. Ну, то есть, не совсем обошла, но проблем с желудком у них было значительно меньше, чем у всех остальных. Когда ты молод и здоров, очень трудно удивляться тому, что не болеешь. Так что если бы не некое происшествие, Ренки даже не обратил бы внимание на эту особенность.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая	5
Часть вторая.	176
<i>Эпilog</i>	306